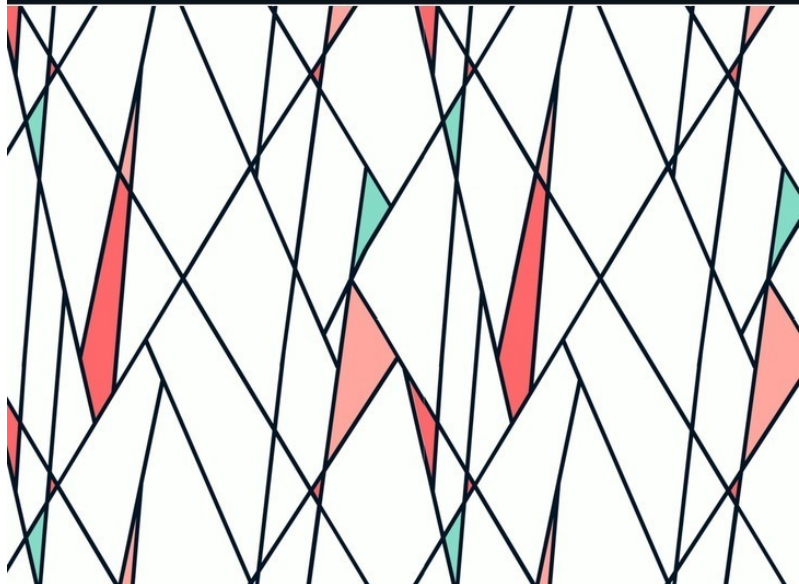

АНАТОЛИЙ ШУКЛЕЦОВ

ВИНЧЕСТЕР

и другие рассказы

Анатолий Шуклецов

Винчестер. И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828038

ISBN 9785449048479

Аннотация

Герои повести – золотоискатели, работающие на полюсе холода Оймякон, совместно проживающие на глухом таёжном участке. Именно это создаёт благоприятную атмосферу для полного раскрытия лучших и худших человеческих качеств. Здесь каждый в каждом оставит частицу своей души. Отдельным большим пластом – остросюжетный ход о единении человека и лайки, лучшие и наиболее динамичные страницы повествования. Итак, северная робинзонада, люди и собаки, россыпь золота, возмужание в экстремальных условиях.

Содержание

ВИНЧЕСТЕР	5
Тетрадь первая: ЗИМА	5
1	5
2	10
3	15
4	20
5	26
6	32
7	36
8	41
9	46
10	50
11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Винчестер И другие рассказы

Анатолий Шуклецов

© Анатолий Шуклецов, 2018

ISBN 978-5-4490-4847-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИНЧЕСТЕР

Тетрадь первая: ЗИМА

1

Воспоминания – алые ленты прошлого, бескозырка без них – просто блин. Вертолёт надрывно ревел, проваливаясь в воздушные ямы, и в иллюминатор грозно наплывали оголённые вершины. Тусклое зимнее солнце, никого не обогрев, медленно утопало за мглистый горизонт, налагая подвижную тень на близкие скалы. Неохватные взором отроги хребта Черского громоздились внизу; сиюминутно казалось, что холод навечно сковал заснеженные горы, и зависший винтокрыл, и остатних провожатых беглого дня: двух пилотов, Винчестера, семью радиста из трёх человек. Удручённая дикостью ландшафта женщина затосковала; да жить без мужа, что раздетой гулять по морозу; собака бежит за хозяином, а не наоборот.

Проникший в салон холод донял пассажиров. Винчестер глянул в иллюминатор и, перекрикивая гул несущих винтов, попросил:

– Геннадий, переведи на русский язык название «Хатын-

нах»?

– «Берёзовая роща», – охотно отозвался Чепурной. – Прежде там прииск был. Идеальное место для сытной зимовки, с готовым жильём на выбор. Разведаем погребённую россыпь, а после, – радист поморщился, – и начальство не ведает, кого куда переметнут. Похоже, снижаемся, – добавил он, – должны с Куряха забрать горняков и промывальщиков.

Внизу появились красные кровли вагончиков, с чёрными фигурками людей подле них. Вагончики поплыли в сторону, пейзаж откачнуло и, взметнув снеговую пыль, вертолёт приземлился неподалеку от лагеря. Замедляя вращение, лопасти винтов обнажились, махина качнулась и замерла. В открытый люк хлынул сухой, обжигающий гортань воздух, и спешная погрузка началась; пилоты торопили, надеясь обернуться засветло. Откидных сидений вошедшим не хватило, и опалённые стужей лица стоящих кочевников не радовали. Один радист возвращался домой, остальные – переезжали; полевые работы велись круглый год, и нужные работники перевозились в новые места.

...На посёлок бывшего прииска вертолёт вынес неожиданно; описал крутую дугу и завис на снижение. Стиснутая лесистыми кручами гор единственная поселковая улица была пустынна; увязая в глубоком снегу, к ним направлялся один, весьма самодостаточный человек. «Леван Родионович Баркенов, сам начальник участка встречает», – сразу став незначительным, выказал голубиную кротость радист. Высокорос-

лый, шлёндая в перекидку на костылях, он походил на искалеченного пирата.

После выгрузки и взлёта вертолёта Винчестер вручил Баркенову сопроводительный лист. Недобро хмыкнув, начальник пихнул документ в карман: «Вакансия геолога есть, но прибыл ты рановато!.. – Подавив досаду, указал рукой в направлении посёлка: – Видишь казённый дом?.. Располагайся с горными мастерами!..» – и развалистой поступью полководца отправился расселять прибывших работников.

Во входном тамбуре приземистой избы белели мёрзлые тушки зайцев, висела домашняя утварь; лежало в ряд буханок десять хлеба на полке, стоял раскрытый мешок мёрзлых картофельных клубней. Хлеб замораживали про запас, и он не черствел; картошку оттаивали порциями перед варкой, и вкуса она не утрачивала; к лету завозилась хлопьевидная сухая. Спарганское убранство комнаты состояло из стола, скамьи и разностильных стульев, главенствовала сварная железная печь; под глухой стеной покоились ящики и картонные коробки с провизией, разный житейский скарб, слабо различимый в сумеречном свете, едва проникавшем с улицы сквозь небольшое, заиндевшее окно. В малой комнате теснились кровати, висела на крючках домашняя одежда, на аляповатой этажерке валялись пожелтевшие газеты забытого дня; в простенке чернела воронёной сталью изящно выглядывавшая здесь двустволка, подвешенная на гвоздь за ремень. «Штучного изготовления, однако», – завистливо под-

метил гость; закурил папиросу из попавшей на глаза раскрытой пачки, не снимая шапки, бухнулся за стол...

Донёсся рокот трактора, приглушённые мужские голоса, и Винчестер вышел наружу, в недвижный воздух и мороз; по-за кожей пробежал, перехватил дыхание, как глоток чистого спирта; плотно облёк, парализуя. Маленький трактор оранжевого цвета волок за собой гружёные сани, притормаживая подле домов; стоявший на возу парень ловко скатывал длинные не ошкуренные брёвна. Возле избы горных мастеров он спихнул остатки дровин, прыгнул на утоптаный снег и, сняв меховую рукавицу, протянул для пожатия руку; кисть была стылая, ледяная.

Зашли в дом; закурили; из чувства неловкости немотствовали минуту.

– Давно томишься?.. – первым заговорил Саня. – Будь проще, старик, иначе здесь отошаешь. Когда впервые над Якутией летел, из-за непогоды посадили в Хандыге, и довелось с шоферами ночевать, что с Невера на Магадан грузы возят. Отдыхали мужики перед выездом: спирт на столе, закуска мясная и рыбная; разговоры всё громче и занятнее; ко мне участливо обернутся: «Слышь, землячок! Ты бы выпил и покушал с нами...» Я нестерпимо хотел, да не поднесли к губам; сам себе наливай, пусть одна бутылка на столе или пять непечатых! Располагайся по-свойски; скоро Тимофеич подъедет, мой личный кашевар; я – за истопника, дед – за кухарку.

– Разве повара нет на участке? – закладывая в топку длинные поленья, неприятно удивился Винчестер.

– Одна пекариха, и та в побег готовится. Тогда в гостинице я заснул голодным!..

– Третья койка чья?

– Родимчикова. Водитель вахтовки с нами проживает...

Пламя занялось, дрова затрещали, и ожившая печь загудела; от неё повеяло теплом и в доме стало уютнее. Водрузив на плиту чайник с мелкобитым льдом, они сходили на склад и получили у завхоза новую раскладушку, новый спальный мешок с двумя вкладышами и кухонную посуду. Выдали и зимнюю спецовку: ватник, валенки, рукавицы; всё чик-в-чик, как в Подмосковье. Новичкам до последнего часа верится, что облекут их в обязательные унты, в меховой комбинезон с подогревом или в экзотическую кухлянку – глухую оленью шубу с капюшоном, одеваемую через голову. Несбыточная грёза: как полярники бывают упакованы снабженцы.

Когда с полученным скарбом на плечах они возвращались домой, подъехала вахтовая машина. Иззябшие работники не расходились, надеясь встретить знакомцев по прошлым зимовкам. Винчестер рад был повидать своего маршрутного рабочего. Серёга Мазай был простодушный, холостой неуч охочий до рагу из свежатины; зайцы от него шаркались в бегство.

Приезд новобранцев всколыхнул посёлок. Днём пустовавший он теперь полнился запахами и звуками, собачьим лаем

и людским говором. Сухой закон повечеру был преступлен.

2

Горный мастер Саня, геолог Винчестер и радист Чепурной по-молодому сдружились быстро; хозяйствуя в складчину, образовали спаянное приязнью братство. Колотыми дровами и битым льдом троица снабжала и скупого на слова, не улыбочивого начальника, но доминировал он несколько особняком, хотя и не искал иной компании. Изба горных мастеров и бревенчатый, выстроенный последним директором прииска светлый жилой дом стояли рядом, почти впритык, в центре посёлка; некогда проживали в нём семьи директора и главного инженера прииска. По традиции и преемству власти, лучшую половину дома занимал Баркенов с женой, а в смежной части размещалась рация и квартировала однополовая семья радиста.

Друзей и родителей не выбирают; но, говоря по Вольтеру, глаза дружбы редко ошибаются. Друг, если он потенциально есть среди новых знакомых, реализуется с приятной непринуждённою быстротой, и верен нам до гроба. Обязывающее соответствовать обращение «брат» обиходным сделал Саня Ершов, опекунствуя над увечным радистом; до нечаянной беды они проживали вместе в избе горных мастеров. Под весом человека рухнул подгнивший столб приёмной антенны, и сломавший ногу Чепурной для себя вызывал сани-

тарный рейс. Вернулся брат Гена загипсованный, пленённый женой и пятилетней дочкой, слёту запоминающей непотребные слова, что засоряют речь мужчин, лишённых дамского общества, и грязнят уста женщин, утративших женственность. Без матерной брани беседа пресная, как недосоленный суп без пряностей и острых приправ; русский мат покорила земные закоулки и первым проник в космическое пространство.

Будущность, вплоть до мелочей быта, людского окружения и вероятности славной карьеры, обуславливает выбор ремесла; корректирует судьбы попустительство случая. Саша Ершов, по школьному прозвищу «Кактус», узрел газетный анонс для абитуриентов и невольно задержался на строках: «Миасский геологоразведочный техникум объявляет приём...» В крестьянском роду Ершовых геологов искони не бывало, и родители ополчились: «Зачем тебе цыганская жизнь?!..» Обособься отрок смолоду на свой кошт, и сына потеряешь; вернётся на родину стариком, когда перевидаёт края иные; отказали упряму в деньгах на дорогу. Однако мода была на профессии деятельные, а не «купи-продай»; настырных юношей преграды манят; будь иначе, одолели бы стагнация и регресс; стремление достичь неизведанного в натуре людской неистребимо. Он проштудировал научно-популярные книги академиков Ферсмана и Обручева, сходил в поход с ночёвкой у костра, вообразил себя землепроходцем в накомарнике, и избрал стезю.

На специальность «Геология, съёмка и поиски...» конкурс был девять человек на место. Совершеннолетие он отметил в поезде «Оренбург – Ташкент». На производственной практике впервые опился алкоголя и коснулся голой женщины; изведаль дурманное влечение к геологине элегантного возраста, открытую неприязнь нацменьшинств и коллизии людских взаимосвязей в бивуачном проживании. Утрата девственности прошла штатно: в полной тьме направили опытной рукой куда надо, и он моментально кончил; был изгнан из чужой палатки восвояси; вот и всё неяркое воспоминание. Диплом техника вручили торжественно, а противомоскитную сетку и молоток с длинной рукоятью обыденно выдали в Уральском геологическом управлении. Учась в техникуме, Ершов не задумывался, чем данный диплом хуже вузовского; вопросы приспели позднее. Почему техник и инженер, подменяясь, за равнозначный труд получают неодинаковую зарплату; вместе кочуя, имеют различные денежные возмещения полевого довольствия, равный процент от неодинаковых должностных окладов; почему размер полевых не превышает обычных суточных, если командированный проживает в городе, а умывшийся в ручье геолог спит под кустом; почему геологу идёт полевой стаж, а маршрутному рабочему нет?..

В военкомате актуальным надолго сделали карманный календарь. Он угодил в Заполярье, в строительные батальоны Северного флота. Работал в организации Военмор-

проект, ведавшей изысканиями: определить глубину залегания скальных пород, устойчивость покровных грунтов, дабы фундамент возводимых сооружений зиждился прочно. Подневольные солдаты копали и вручную бурили моренные валунные отложения; труд каторжный и опасный. Слой поверхностной мерзлоты проходили на пожог, глубинные пльвунны – с опережающим креплением; светлым полярным летом нравилось работать по ночам. Однажды забойщик не успел покинуть неустойчивый шурф, и текучий песок-пльвун накрыл его на глубине восьми метров, под треск сминаемого крепления. Крепление было сплошное: венцы вразбежку с подвеской на бабках, на обшивку шла доска сороковка. Откопали солдата с помощью экскаватора. Голову он всунул в пустую проходческую бадью и сначала поседел, а затем умер от удушья.

Кольский полуостров Ершов познавал в служебных командировках. Дивная феерия скачущих всполохов полярного сияния в ночном небе очаровала, но остаться сверхсрочником не пожелал: юношей влекут дымы неизведанные; муж, мужество, мужаться – слова однокорневые; кто никуда не плывёт – для тех не бывает попутного ветра, сказал мудрец. Завербоваться на архипелаг Шпицберген не удалось: требовались угольщики со стажем, по рекомендации предприятий. В одном из объявлений он прочёл интригующие слова: «Индибирская экспедиция»; отправил запрос и вскоре заимел лаконичный вызов на фирменном бланке; надбавки

сулили немалые, в качестве жилья предлагали «общежитие, передвижные домики». Не прожив месяца в отчем доме, он снарядился в дорогу; не вернуть птенца из гнезда выпавшего: огни вокзала медленно сменялись темнотой. Мать плакала, а сестрёнка вдогон бежала по перрону, крича напутствия в глухое вагонное окно.

Главное для мужчины – интересная работа, остальное прилагательные к ней; только трудом можно доказать, что ты личность. Так веровал упрямый студент-заочник, считавший Оймякон, холоднее которого одна Антарктида, подходящим местом для самопознания. Единственно осложняли жизнь очки для постоянного ношения: в дожди осыпало брызгами, в холода индевели от собственного дыхания. На зимней охоте брат Саня одной рукой наводил на цель ружьё, а стынущими пальцами второй руки протирал куржавшие от инея линзы. Он мазал их рекомендуемыми мыльно-глицериновыми смесями, но жгучие морозы непроглядно обмётывали сахарным мхом изморози стёкла автомобильных кабин; шофера крепили на лобовое стекло присадку из плексигласа, на любом морозе прозрачную. Север жесток к очкарикам. Ершов входит с мороза в дом, и двояковогнутые линзы матово белеют; лицо без очков кажется разоружённым, а взгляд потерянным, беззащитным.

Дивный рецепт ему привёз Чепурной, вычитав в журнале «Наука и жизнь». Брат Гена не поленился сделать выписку и при встрече процитировал: «В Калифорнийском уни-

верситете разработали способ покрытия золотом ветровых стёкол автомобилей. Тончайший слой позолоты не влияет на прозрачность стекла, зато позволяет обогревать его электричеством. Стекло не обмерзает и не запотекает».

– Злата я тебе полную горсть намою, – посулил Винчестер, – но где взять карманный аккумулятор?..

Сломался движок передвижной электростанции, и долгие вечера полярной ночи коротали при мерклом свете дедовских ламп; взамен керосина заливали в бачки солярку, коптящую по-чёрному. Главная функция лампового стекла аналогична печной трубе – создание тяги, убыстряющей процесс горения. Тонко выдутых стёкол для ламп не хватало, их заменяли высокими банками из-под болгарского компота, ловко отсекая дно. Изобретение, которое модернизировали семь поколений, начиная с гениального Леонардо да Винчи, замещали иногда трёхлитровой стеклянной банкой.

3

Наедине брат Саня вынимал из клапана рюкзака увесистый том «Геологии россыпей», раскрывал на закладке и цепенел любящим взором. На рюкзаке был вышит вязью краткий девиз: «Вперёд, к открытию!»; с бледной любительской фотки глядело юное прелестное создание: курносый, в осыпи веснушек нос, пухлые щёчки, выразительные глазищи и чувственный ротик, щедрый на колкости. Ершов томитель-

но ждал редкий транспорт с базы, в надежде на долгожданное письмо, но ответные эпистолы приходили нечасто. Синего фирменного ящика на участке не было, вести слали к ближайшей почте попутной оказией, неотложные депеши получали радиограммами.

Винчестер однажды застал Ершова за просмотром старой корреспонденции и собрат с готовностью доверился:

– Уходил я в полевой сезон убеждённым холостяком. Мыл шурфы, намереваясь перейти на долинную съёмку, как прибыли практиканты. В партии работало три отряда, но прозорливая судьба отправила её к нам, где она выделила именно меня. Я деланно не замечал призывных взглядов, хотя поманило к ней, как служивого на гражданку, – рассказывал брат Саня сочувственно внимавшему Винчестеру. – Заревновал, к чему иной раз намеренно давала повод. Тогда я выбирал дальний маршрут и покидал лагерь до подъёма, а возвращался за полночь. Позиционная война увенчалась тесными объятиями, мы провели ночь у костра, перемежая поцелуи и трепотню. Случались и позже размолвки, сцены молчаливой ревности, да я через час готов был волочиться за ней. В поисковом смысле сезон оказался пустопорожним, а для меня стал откровением. Когда улетела она в Пермский университет доучиваться, я общую тетрадь извёл на письма. Сейчас к вертолёту не выхожу, поскольку адресат не последовала моему примеру...

Начавший исповедь бодро, брат Саня заметно скуксился:

– Тоскливо, знаешь, брат Коля. Гнусные подозрения неотвязно докучают. Гонишь их прочь, а они не забываются...

– Удачливый ты! – наконец отозвался Винчестер. – Я думаю, она оценит мужское постоянство. Выучится и назад вернется. Вот мне в амурных делах нет везения: к любящим меня сам безучастен, а когда влюблюсь, равнодушны ко мне. Наверное, не тех я боготворю...

Откровениям друзей никто не мешал: Тимофеич и Родимчиков задержались на разведочных линиях, а брат Гена с начальником вели сеанс радиопереклички. В избе горных мастеров часто вязались непринуждённые беседы, – тёмными вечерами, за игрою в карты и чаепитием. Превалировали темы рабочие и охотничьи, касались политики, и спорта, и женщин. Думы и чаяния, общежитейские нужды людей на любой широте неоригинальны.

Крупно проигрывая в преферанс, Чепурной однажды пренебрежительно заявил: «Роете вы это бесполезное золото, а ещё Ульянов-Ленин обещал золотые унитазаы под каждую задницу!»

«Вожди всегда блефуют, – спокойно возразил Тимофеич, покрывая взятку. – Полагаешь, напрасно мы тут конечности морозим? Без драгоценных металлов человечеству не обойтись. На выплавку медалей и зубные протезы десять таких Хатыннахов надобно. Вот мне, потомственному горняку, дивно, когда шахтёры на четыре километра за золотом в глуть земли спускаются. Нестерпимо в сортир приспичи-

ло, так сбегай, отлей; только сикалку не отморожь. Северяне нужду справляют с набегу!...»

Парадоксально, но житейскую премудрость нам передают не родители, действуя в наклонении забот – накормить, одеть, устроить и только, а чужие, равнодушные люди, решительно велика в период становления роль наставника. Старый горный мастер Тимофеич, муж житейски мудрый и, старомодно выражаясь, не без сведений, зимую на Хатыннахе, отчески опекал братьев. Тимофеич застиг лета, когда студенты горных факультетов и горные инженера носили форменные пиджаки чёрного цвета, с шевронами и блестящими пуговками с вензелями. «Всегда дочиста выбрит и стрелки на брюках отглажены, – вспоминал он. – Коллегу издали различаешь. Зря отменили! Корпоративный дух и дисциплина сплывали...»

Как-то, укладываясь спать, Винчестер, позёвывая, спросил:

– Тимофеич, отчего ты в большие начальники не пролез? Высшее образование, интеллект; по весовой категории должность генерального директора бы пристала. Брюхо вперёди себя носишь очень солидно! Ошибки молодости что ли, неснятая судимость, беспартийный?

– Ну, ты ферт!.. – всерьёз обиделся крайне уязвленный Тимофеич. – Да просто совещусь командовать, это противно моему естеству. Вперёд не суюсь, сзади не отстаю и сбоку не толкаюсь! Не волнует меня тщеславная склока за власть

над людьми, не мучит угрызениями совесть. В полярной геологии тоже пошла досадная путаница: в креслах нежатся типы, мягко говоря, нечистоплотные. Мне глядеть на них как с перепоею рвотно! Подчинённого взглядом не удостоит, напыщенный индюк. Встретился босс рангом выше – с лакейской угодливостью задок топырит, выказывая почтение. Извратили все библейские заповеди!.. Прежде инженер ценился по трудовому вкладу, нынче в моде гибкость спинного хребта, умение кланяться, взяточничество, казнокрадство да подхалимаж, а работа в загоне! Ничто так не в урон государству, когда хитрые маскируются под умных. Доведись им делить славу и деньги, они как оголодавшие поросята; отпихнут героя в конец длинного списка на медаль, и не премируют вычеркнуть. Алмазоносный кимберлит Лариса Попугаева открыла в пятьдесят четвёртом; звания «Первооткрыватель месторождения» добилась через шестнадцать лет!..

Насчёт беспартийности так скажу, – разоблачаясь ко сну, добавил Тимофеич, – партий много разных, да праведных людей в них единицы!

– И не скучно тебе, Тимофеич, всю жизнь снаряды подносить! – вмешался и брат Саня, солидарный с другом.

– Не поднесут – чем выстрелишь! – повеселел Тимофеич. – Жизнь прожить – не маршрут отбарабанить! Вот постарел, а всё поражаюсь, как сложно устроено государство, до чего разумно прилажены шкивы, шестерёнки и его приводные ремни. Весьма мудрёное устройство! Все мы в него

впряжены, и чтобы везло к лучшей жизни, – дидактически подытожил он отповедь, – каждый обязан честно исполнять избранное дело, начиная от болта министра и замыкая сошками навреде нас!

– Ты с сошкой, а они там с глубокой поварёшкой, – довольно хмыкнул Родимчиков, и они затихли, каждый со своим раздумьем.

4

Прибывший возглавить промывку Винчестер пребывал на подхвате: ездил на заготовку льда и дров и помогал Куропатке, как бичи прозвали жену начальника, обмерять и документировать проходимые шурфы. В заячьем малахае и в тулупчике присев над проходками, участковая геологиня разительно напоминала глупую птицу. Громоздкие валенки и стёганые штаны из ватина скрывали бабьи прелести; беспрецедентный по лютости мороз гасил половые инстинкты. Привыкнуть к ой! мяконскому холоду было невозможно; от самого упоминания знобит побывавшего на полюсе холода Северного полушария. Много двигаясь и меньше страдая от мороза, горняки беззлобно посмеивались, видя, как геологи что-то пишут карандашом в полевой блокнот, не снимая рукавиц. В зимний холод всякий молод, мороз сделан из бездны. Наедине он страшил человека, мертвил кожу и мышцы, беспощадно пробирал до костей при малей-

шей заминке; не помалу, как терпимый мороз средних широт, а разом выстуживал организм. Особенно лютовали три календарных месяца кряду, с декабря по февраль включительно. Самые зябкие уезжали на этот период в отпуска, зимняя вдали от Оймякона; температура понижалась до отметки минус пятьдесят градусов.

Январь истекал, и сегодня предстояло снова ехать на линии, документировать недельную проходку. Весь день морозиться; двухметровой рейкой на шнуре мерить глубину забоев и от нестерпимого озноба приплясывать рядом с описывающей грунты геологиней. Смена обычным порядком сошла в дом горных мастеров – сборную избу, где начальник проводил утренние планёрки и назначал исполнителей. Курили грошовый забористый табак, балагурили; первым рейсом взрывники отвозили на линии взрывчатку. Винчестер и брат Саня проспали и теперь прилюдно наматывали портянки, поспешно облачались в свитера, жилеты и прочую шерсть, слабо спасавшую от жёсткого мороза. Здесь грела разве физическая работа да сытное питание. Когда вернулась вахтовая машина, они успели второпях позавтракать, напилить и поколоть дров на вечер. Зимой в местных домах тепло, если, не затухая, топится печь.

Впихнув в салон лохматую Белку, брат Саня взобрался в вахтовку последним, и машина поехала на выезд из посёлка, накатанной колеёй в пять километров. Собака улеглась в проходе, смежила веки и чутко подрагивала ушами.

Рыжую лайку Ершов нагло похитил на прииске «Фестивальный», куда ездили ледовой дорогой отовариваться под Новый год. На новую кличку собака уже отзывалась, но за хозяина брата Саню не признавала. Проживая при доме горных мастеров, охотно питалась из любых рук и шла за всякими ногами, обутыми в мохнатые унты либо валенки. Данное обстоятельство мешало приручить собаку и порождало насмешки.

– Чем дольше наблюдаю за людьми, тем уважительней отношусь к животным. Как успехи, молодой кинолог? – не преминул съязвить Моряк, по-детски любознательный бич. – Дефективным недоумкам разъясняю: кинология есть научная дисциплина по выучке и размножению крадёных собак! – Моряк не выносил езды молча и готов был пострадать, но затеять разговор.

– Откатись и топай! – зло буркнул вспыльчивый Ершов, откровенно презиравший пытливого скопидома. Винчестер произвольно весь напрягся, готовый вступить за брата.

– А обучающий кошек как называется? – спросил Серёга Мазай. Встрял своевременно; добавь Моряк едкое слово и стычки бы не избежать; брат Саня бывал порой задирист как пьяный мушкетёр.

– Кончай базар! – грубо вмешался дюжий проходчик звероподобного обличья, старший по кузову. Он благоволил к Ершову. – Сейчас я расскажу, какие специалисты в нашем концлагере томились! – Папа Коля полжизни провёл в остро-

гах воспитательных ведомств, прошёл такой искусственный отбор – не приведи господи! Устными байками затмевал любого, кроме злоречивого выдумщика Моряка. Предвкушая занятный рассказ, едущие присмирели; рассказы бывалых мужей обыкновенно интересны.

– В узилищах тоже достойные люди сидят! – веско произнёс Папа Коля. – Всяких жориков и фраеров я там перевидал. Под моими ногами доктор физико-математических наук отдыхал. Молодой, а донельзя рассеянный теоретик; обитал внутри себя, не добудиться. Но я про другого мыслителя вам расскажу. Приезжают однажды к нам в зону с далекого прииска. Ключи потеряли от сейфа, а взрезать его автогенном – навсегда изувечить вещь! – в неторопкой манере своей повествовал рассказчик. Привлёк внимание публики и, вынув из кармана папиросы, принялся неторопливо прикуривать, выдерживая необходимую паузу.

– Обратились к лагерным командирам: так, мол, и этак, срочно надобен знающий мужик. По воровским статьям немало разного люду томилось. Но особо среди них славился Угрюмый, признанный шниффер сажонного роста. На царство короновать, да несносный молчун. Реплику скажет и неделю немотствует как утерявший дар речи. Однако в системах запорных отменно мараковал. В тяжёлой работе постиг конструкцию и особенность всякого секретного замка. Ведущий специалист, образно говоря, союзного значения...

– Да, не томи ты душу, Папа Коля! Ближе к делу скажывай! – не вытерпел словесной тягомотины Моряк.

– Слушай, приткнись, а! Спешить надо знаешь когда?! – озлился бронтозавр, не терпевший, когда встречали. На Моряка зашикали: да, уймись ты, неугомонный!.. Папа Коля с паузой задержкой речи, будто припоминал напрочь позабытое, назидательно изрёк: – Если штаны на морозе снял; чтоб яйца, звякнув, не отпали!..

Вызвали Угрюмого к лагерному хозяину. Поначалу заерепенился тать, напуская блатную дурь. Но осмотреть сейф на месте, конечно, согласился. Грешно от любимого занятия отлынивать. Выделили надёжную охрану и как президента на спецмашине повезли. В конторе прииска Угрюмый взглянул на сейф и потребовал оставить их наедине. При свидетелях не творю! Заунывное бормотание навроде речитатива молитвы слышали стоявшие за дверьми. Сейф отворил, а профессиональный секрет не выдал, и замок рабочий не нарушил!..

– Чем открыл-то? – не унимался въедчивый Моряк.

– Не веришь – прими за сказку!.. Перед выездом сам изготовил нужные отмычки, – неохотно вымолвил Папа Коля. – Срок ему за воровское умение не убавили. Зато чаю понавёз, курева и вкусной жратвы полную кошёлку...

– Да, специалист! – завистливо выдохнул некто, а Папа Коля, убедительно заключил:

– Каждый личную судьбу избирает сам, и выстраивает, как

сумеет. В любом ремесле, по всякому рукоделию мастерство необходимо! – Коротко помолчав, добавил: – Ключи на другой день отыскались. В легковушке директора, на Smyke сидения со спинкой лежали.

Многим сразу вспомнились похожие анекдоты. Народ подобрался живальей, не без богатой истории; но езда до разведочных линий была недолгой; один гугнивый Кобытов успел рассказать факт биографии. «Давай короче, – предупредили его, – подъезжаем».

Кобытов обещал, и довольно связно поведал о том, как подконвойным налаживал электролинию в казахском посёлке.

– Влез я на крайний столб, концы проводов соединил, а возвращаться обратно в зону, – ну, хоть застрели! – не хочется! – рассказывал не балованный слушателем косноязычный Кобытов. – Монтёрские кошки вонзил поглубже, столб руками облапил и сижу. Старшина вопит снизу: «Слазь!..» Я головой отрицательно поматываю и молчу; ошалел от степного раздолья. Старшина автомат с плеча сдёрнул, глядит свирепо: «Слазь, сучье вымя! Не застрелю, так в карцере сгною!..» Овчарка хрипло лает, солдат ко мне взбирается, а я ору: «Не слезу!.. Хоть десять минут, но на свободе посижу!»

Раздался дружный заразительный гогот. Машина свернула с дороги и остановилась близ низенькой теплушки, резиденции горных мастеров, приткнувшейся в редизне чахлах лиственниц. В течение дня сюда изредка забегали и проход-

чики: обменять инструмент, покурить, подогреть и скушать взятую на перекус колбаску, чуток расслабиться в тепле.

Горняки шумно покидали машину и бригадами расходились по шурфам. Подсобрав дровишек, Тимофеич, Винчестер и брат Саня направились в выставшую теплушку. Белка шмыгнула следом в приоткрытую дверь.

5

Проходка шурфов велась буровзрывным способом; в остальном, процесс кустарного старательства – тяни лямку и выроешь ямку: вороток, бадья, лом, кайло, лопата и мускульная энергия тридцати двух землекопов. Горные работы плохо поддаются механизации, выработки малого сечения, в необжитых краях и подавно. Бригады состояли из четырех человек, по спарку на каждый шурф. В забое работали поочередно, хотя на поверхности было ничем не выигрышней, смертный колотун. Третий месяц подряд градусник стабильно фиксировал минус пятьдесят. Согласно тибетской мифологии, ад – это inferнальный холод. Выпадали дни, когда температура понижалась до шестидесяти градусов, и тогда участок замирал. Выйти за посёлок проверить заячьи петли ни один не отваживался, хоронились по домам, шуруя кочергами раскалённые печи. Злободневным становился космический холод, когда снег формуется в наждак, и ни лыжи, ни полозья не скользят по кристаллическому снегу. Мо-

розное оцепенение сходило на Хатыннах, и так промороженный и забранный гробовой тишиной. Все звуки глушились ледяным туманом, оседали к земле, и различимо слышен был на морозе шелест собственного дыхания.

Шурфовку предстояло закончить весной, прежде чем талая вода ринется заполнять понижения. На лето планировалось бурение оконтуривающих россыпь скважин, а пока вседневно, за вычетом праздничных дат в календаре, бухали на разведочных линиях взрывы, росли шлейфы отвалов, и множилось число проходок вблизи устьев шурфов. Извлекаемый наружу грунт поначалу выкидывался в навалку, а при подходе к золотonosному пласту складировался в отдельные упорядоченные кучи. Каждая проходка отмечалась деревянной биркой с порядковым номером, что надписывали и втыкали в конце смены горные мастера. Картина напоминала строгое ратное кладбище, позволяя определять точную глубину взятия каждой пробы.

До глазниц укрытый фланелевым кашне, Моряк энергично вращал рукоять воротка. Завидев идущего к нему Винчестера, с неподдельным чувством заворчал: «Рабий труд!.. Каменоломни Ливии!.. Я издам бытописание без прикрас! Всем расскажу, куда ссылали цвет русской нации!..» Стянув с лица залубенелый шарф и вознесясь до вопля, стал поносить всех и вся огульно: «Рвань!.. Дрянь!.. Толпа!!!.. Будь, проклят час, когда я покинул левый борт своей баркентины!..»

«Почему – левый?» – осведомился Винчестер. – «Эгей!.. Профэссор?!.. – заглядывая в чёрный провал шурфа и игнорируя заданный вопрос, проорал Моряк во всю мочь лужёной глотки. – Наверх хочешь?..» – «Хо-ооо-о-чешь!» – глумливо передразнило по стволу слабое эхо. Заручась согласием забойщика, Моряк двумя руками приёместо налёг на рукоять, с натугой поднимая на-гора ледащего на вид, но ярого в работе напарника.

Через пару минут из узкого квадратного сруба крепления выплыла на поверхность земли одухотворённая личность Профессора – Ваньки Махрова, наречённого так за академическую бородку и склонность к словесным эскападам. Коронный опус, коим он неизменно развлекал каждого, начинался простыми ясными короткими словами: «Всякий здравомыслящий индивидуум, метафизирующий в области ультрарадикальных функций и стракций, не должен игнорировать тот критерий, на котором зиждется весь его презентабельный субъективизм...» Впав в амбицию, Профессор трагикомично произносил: «Благодарумие Вашего неблагодарумия по отношению к моим разумным доводам до того помрачает мой разум, что я вынужден принести жалобу на Ваше Великолепие!..» Умел анчутка выражаться замысловато. Наверяд ли постигал он мёртвый слог заученных фраз, но очередной неофит внимал тарарабумбии, опешив, не ожидая экой зауми от шурфокопа.

И впрямь, прозябать бы херувиму при университетской

кафедре, забавляя курсисток старорежимными манерами и наживая геморроидальную или иную ниже пояса болезнь. На худой случай, лакействовать в столичном отеле, прислуживая заезжим капиталистам, да Махров органически не выносил размеренного уклада жизни. Апробировав дюжину различных профессий, включая архаичное бурлачество, он натурализовался в горном деле, с немым изумлением отмечая, что ему нравится ломовая работа, от которой томительно ноют мышцы, сладостен грохот взрывов и специфичная вонь аммонала, по-хозяйски уютно в полумраке глубокого шурфа, вольготно, без зависти думается о суетной жизни далёких столиц. Поначалу жутковато было спускаться на вёрткой бадье в отвесную нору и зарывать себя на двадцать метров глубины, откуда виднелась недостижимая просинь неба с изредка возникавшей в проёме злодейской харей Моряка, да не вдруг попривык. На забое было относительно тепло, а рабочий день активировался при пятидесяти одном градусе ниже нуля; сезонность на открытых горных работах упразднили ещё в концлагерную эпоху. Штучный, градуированный на арктические метеоусловия спиртовой термометр имелся у начальника; подгоняли по-зимнему краткий световой день, производственный план, желание пристойно заработать, оттого трудились поспешая.

Профессор осторожно выбрался из пустой бадьи на скользкий полук крепления, приветливо кивнул Винчестеру: «Бонзай, адептам геологии!..» – и поспешил к бли-

жайшему костру, согреть желудок горячим чаем. Костры на линиях были привычным атрибутом рабочего обихода, как верстак для нормального столяра. Зажжённые от лучины или подживлённые соляром, они дымились с утра, фактом наличия воодушевляя и грея. Постоянно калился на огне притупленный инструмент, томился на углях чёрный от копоти чайник, на снегу вразброс лежали сухари, галеты, сладкая прикуска. Серёга Мазай на побывке заварил землякам чай по-походному, так втрое его кипятком разжижали.

Моряк на морозе никогда не чайничал, оберегал зубы от разрушения. Безусловно, контраст температур был пагубен; север накладывал на лица несмываемый грим, уродовал кожу пятнами обморожений, преждевременно морщинил, снашивал и старил человека. На участке хватало колоритных особей, но самым экстравагантным чудилой признавали Моряка. Фамилию имярека помнили, для заполнения разных ведомостей, начальник да завхоз; но по имени собственному не обращались, хотя ничего флотского в облике сумасброда не было. Здесь на севере многие имели неизменные псевдонимы. Прозовут шутливо да не переименовать, метко увековечив черту характера, привычку либо итеративное, надоедное словцо. Бывали прозвания, что с морозу не выговорить: не смотри на кличку, а прошупай птичку. По причине разнородности контингента, прошлое особо не бередили, выпытывая подноготную правду. Папа Коля на вопрос о статье уголовного кодекса отбоярился весело: «Я всё вре-

мя сидел за политику! Сперва маруха подстрекнула транспарант „Вперёд – к коммунизму!“ водрузить у входа на кладбище. Второй раз, намеревался застрелить коршуна, а продырявил реюший на фронтоне сельсовета кумачовый флаг. Третий арест произошёл в пивном баре – за пение „Интернационала“, международного пролетарского гимна...»

Освоение северных территорий испокон прерогатива бородатых мужчин. Женщин здесь мало, пенсионеров наперечёт и преобладают холостяки зрелого возраста. Болтливый рассказывал о себе, скрытным не докучали; судили по впечатлениям нынешним. Главным мерилom служило отношение к работе, мастерство и опыт, навык к трудностям, свойственным дикому краю; ценился уживчивый в общечитии. Начальников уважали нравных, но справедливых, умеющих подчинять людей, хотя никаких не любили. При сдельной оплате труда существенно влиял на оценку материальный стимул. Моряк работал проходчиком, сиречь входил в массу безвестных истории работяг, на северо-востоке страны кратко титулованных «бичами». Неясна этимология низкого слова, но допустима такая: «бывший интеллигентный человек», аббревиатурой – «бич». Впрочем, на Западе бичами называют отставших от своего судна матросов, которые подрабатывают и пьянствуют на берегу. Применимы оба истолкования, хотя в Оймякон он приехал из города Иваново, обители незамужних ткачих.

– Населяя материки живностью, безбрачия Создатель отнюдь не планировал. Каждой твари по паре, и хорошо! Быку – корова, козлу – козлуха, Адаму – дева, овце – баран!.. – глаголил Моряк около затухающего костра. – Женатыми делаются! В двадцать лет холост, веселись, это нормально, – оборотился говорун к Винчестеру. – Не обрёл подругу к тридцати, уже подозрительно! – Моряк с циничным прищуром вызверился на Махрова. – Не женился в сорок, и в пятьдесят бобыль – трагедийно! Вяло искал либо не там, или потенцией хезнул! – Возле костра стояло пятеро, но облачённый в унылую ветошь Моряк нагло уставился на геолога.

– Когда вижу яловую, в сыпи угрей, жертву демографической неправильности, меня подмывает сказать ей: «Глупая и бесталанная! Пока молода и тугие чресла не одрябли, езжай на Север, где заждались тебя великолепные самцы!.. – Моряк скептически оглядел аудиторию и заметил шедшего Мазая, в обледенелой окладистой бороде которого зеленели сосульки из собственных соплей. – Косматые гиперборейцы, пропахшие дымами чадящих костров и направленных взрывов, сивушным и табачным перегаром! Им наскучили ночные поллюции и отрада безжённых онанизм, за который по школьному стыдно! Ищи, неверная, на Хатыннахе свою

половинку! Едва сойдёшь по трапу, гурьбой набегут поклонники. Конфузливо улыбнёшься, а шестеро архаровцев тебя повели!.. Здесь озолотят и старую сварливую каргу. Истинно, истинно говорю? – обернулся ритор к безропотному Мазая, жадно хлебавшему чай. – До утра будут семеро едина плоть.

Кого раз оседлают, тем потом и помыкают. Мазай смолчал, наломал сушняку, и дух огня, именуемый греческим словом «саламандра», ожил, взметнулся по-над углями. Ни вопросом, ни замечанием не прервали витию, и он продолжил пространный монолог.

– Мужчина без семьи смешон, одинокую женщину искренне жаль. Абсурдно устроен мужской организм: чего нет, того нестерпимо и жаждет! Сейчас бы, говорит, жбан тёплой водки и жирную потную бабу!.. Время не ждёт, дуроплясина! Поспешай без задержки в уральные края. Не возгордись от избытка мужского внимания, не возомни себя царицей, не то пойдёшь по рукам, как последняя сигаретка!

Моряк глубоко вдохнул и кречетом взвился до патетичного тона:

– Такая филиппика сходит с посинелых озябших губ, как вспомню сиротливую ткачиху, ударника коммунистического труда! Тогда как он, таёжный пролаза экстракласса, Джеймс Фенимор Купер, зверобой и следопыт, – Моряк беспардонно встряхнул за шиворот присевшего Мазая, – не изведав кислотных уз Гименя и сладостных корч оргазма, торит нехо-

женую тропу в дебрях бескрайнего Севера!.. Золотко, святая простота, довольно заниматься суходрочкой. Завтра же едем в Иваново. В первый день повенчаю на смазливой матрёшке с пухлыми ляжками! Она там свесила длинные титки за подоконник, и в голос рыдает по тебе!..

За фразёрство Моряка ценили, за склонность к рисовке и прочие отличия сильно недолюбливали. Выделялся оригинал надёжным семейным тылом и расчётливой скупостью, контрастом интеллекта и облика. Страховитый зимний Моряк напугал бы ивановскую ткачиху до визга! Из кокона наслоённых одежд, разношёрстных и драных, алмазами сверкали глубоко запавшие, ледяные волчьи глаза. Многие всерьёз опасались щедрого на гадкий экспромт злоехидного языка. Говори всякий о каждом начистоту всё что думает, народонаселение непримиримо бы враждовало.

Из прошлой жизни Моряка было известно, как под псевдонимом «Толпа» он дважды прирабатывал горняком на Чукотке. Во время оно пятнадцать лет ходил матросом на торговом судне: «Размер диспача равен половине ставки демереджа». Был списан на сушу за опоздание на борт в канадском порту: застрял в автомобильной пробке на машине знакомого эмигранта.

– Слушай, Моряк! Какие иностранки тебе больше всего нравились? – однажды в вахтовке спросили его. – Американки?

– Американки рвань! – презрительно сморщился Моряк.

– Англичанки?..

– Хрен редьки не слаще! – Моряк перекошил физиономию гримасой отвращения. – Дрянь!.. Лица постные, груди прыщиком.

– А негритянки? Хах-ха!

– Толпа!.. Чёрное дерево!

– Ну, а как кубинские женщины? – настырно допрашивали заморского странника.

– О-ля-ля!.. Эротическое открытие Латинской Америки! Сладкий плод манго, наливной мясистый персик! – Моряк любострастно зацокал языком. – В особенности эти прелестные мулатки! Непосредственны и глупы как ручные обезьяны, телом справны и эластичны. Могут часами вольготно млеть в кресле-качалке и по-ка-чи-вать-ся, ни бельмеса не держа в руках. Бездумная томная нега, и абсолютная раскованность в постели. Наша замороченная ударница затейливо удовлетворить мужчину неспособна.

– Так говоришь, на первом месте любовь, на обратном работа.

– Влияние экватора и тропической жары, дармовой нашей помощи, так думаю, – присовокупил Папа Коля.

– Круглый год им заедать молоко свежими огурцами! На якутском морозе гузно не оголишь. Хах-ха!.. – до ушей осклабился грубиян Корытов.

Другим бзиком Моряка было презрительное небрежение к табаку, алкоголю и к женщинам; судачил о них охотно, но никогда не уподоблялся большинству. Выдайся редкая возможность, все мужики поголовно выпивали, добавляя беспокойств Баркенову, не сокрушаясь о расходах, хотя до попойки были ой как бережливы. Пьяные бичи искаательно либо с нотками угрозы в голосе изводили начальника: «Леван Родионович, выдай последнюю бутылочку!.. Мы точно знаем, Полина на складе спрятала...» Моряк же – вражина! уник! – никогда не выкупал полагаемой доли. Дефицитное спиртное поровну делилось на всех. Предстоящий завоз и дни пьяной безработицы всегда порождали нездоровый ажиотаж. Закупать алкоголь начальник уезжал молчком, но отрадный слух с быстротой поветрия обегал и лихорадил участок, неведомо от кого зародясь. Злостные выпивалы начинали энергично отлавливать единственного трезвенника. Первым настигший Моряка счастливец имел двойную дозу пользительной дури: рома, спирта либо английского виски, дающего отрыжку вятским можжевельником. Настойки и дешёвые вина зимой не завозили; русская горькая водка густела при перевозке, звонко разрывая бутылку. Леденец в форме лопнувшего сосуда не пропадал, употреблялся по назначению.

Начальник авторитарно олицетворял правовые органы, отчитывался за происходящее на Хатыннахе; должность незавидная. Баркенов бороды не растил, но скулы и подбородок всегда чернели небритой щетиной. В аварийные дни спадёт с голоса и лица, недоспит, но деятельным участием ни один ремонт не минует, по обыкновению, дотошно вникнет в каждый. При необходимости сядет за руль или рычаги трактора, в крайне лютый мороз за Куропатку на разведочных линиях управится. Руководить действие тяжёлое, сладко быть женой крупного начальника. В дни редких и шумных, обособленных попок безотлагательно встанет из-за стола, негромко скажет: «Если пьянку нельзя предотвратить, её следует возглавить. Пойду бичиков проведу!..» Подбористый, пепельного окраса Бим по пятам ускользал за хозяином. Возвращался с поизбного обхода шаткий от угощений; лестно бичам выпить с Леваном Родионовичем. Да кто себя не жалеет, тот других не щадит; любимчиков не было, равно требовал армейского послушания и старанья в работе. Шоферов менял как при регулах женщина мокрые прокладки, чтоб не ерепенились.

Из транспорта имелись два трактора и новая автомашинa с крытым кузовом. Вахтовку обслуживал водитель Родимчиков, мужчина сдобно упитанный, и оттого весёлый. Хитрые завидующие глазки оживляли одутловатое лицо; был он четвёртым за недолгую бытность Хатыннахского отряда. Машину не глушили неделями; иначе сливай антифриз и зали-

вай с утра в радиатор горячим. Моторное масло загустеет так, что после прогрева картера паяльной лампой все жильцы дома горных мастеров ворочают заводную рукоятку: сам Родимчиков, брат Саня, Винчестер и Тимофеич, и пасмурный начальник. Мороз он железо рвёт и вспугнутую полетевшую птицу убивает. Сильно вредила хладноломкость металла, а в стужу ремонтировать попытка невыносимая. Шофера роптали. Пребывая в тепле кабины да избы, требовали дополнительной оплаты. Водитель спал чутким сном кормящей матери; на холостых оборотах заглохнет двигатель, и отъездились. Баркенов закрывал им сверхурочные наряды, однако недовольство копилось, и конфликт разрешался руганью. Поостыв, шофёр и рад бы замириться, да сердитый начальник запросил по рации замену, водит вахтовку сам. Пешком отсюда далеко не убежишь, майся бездельем в ожидании оказии. Покладистый Родимчиков продержался квартал! После вешнего ледохода прогон замыкался метеостанцией, и вахтовку успели забрать на базу. Взамен пригнали «студебеккер» после капитального ремонта. Свежеокрашенный рыдван вскоре обездвижил, и смену стали возить на тракторе. Знобкой езде в открытых санях многие предпочли живую ходьбу вдогонку.

Сполна своенравный Моряк изумил зимовщиков чураясь бани, события редкостного как возлияния. Зимой возили с наледи «ломкую воду», изводя на потребности по литражу домашних ёмкостей для растапливания льда; чем чаще

отливаешь талую, тем скорее он тает. Лёд-синец привозился чистыми, угловатыми и прозрачными голубыми глыбами. Больших трудов стоило превратить его в прохладную, а затем в горячую воду; с немалыми издержками баню устраивали единожды в месяц. Формировалась кочегарная бригада, отряжался трактор на заготовку льда и дров. Несколько дней истопники занимались одним подвозом и топкой печей, и не было индивида, не выказавшего нетерпеливый интерес. В объявленный нерабочим день народ гуськом брёл на дымившие трубы, зажав под мышкой скверно постиранное бельё, а истые ценители несли персональную шайку и берёзовый засушенный веник. Прогреть настывшее банное помещение полностью не удавалось; мылись на полках в тесноте парилки. Левый бок мочалкой согрел, а правый тем временем озяб. Но всё равно это был желанный праздник оздоровительного всенародного омовения!

Моряк же все моечные дни равнодушно иг-но-ри-ро-вал! Всю *затяжную долгую бесконечную* зиму! Нагло сослался на врождённую водобоязнь и заявил, что Людовик четырнадцатый французский мылся весной. Признался, что никогда не умывается по утрам, а на порицания и уговоры лениво отбрыхнулся: «К хорошему человеку грязь не пристаёт!.. Врачи уверяют: если не мыться больше двух недель, наступает грязевой баланс. Чище, разумеется, уже не будешь, но и грязнее не сделаешься».

Грязь не сало: высохла и коростой отпала. В городе, где

нетрудно жениться и проблематично выйти замуж, Моряка с нетерпением ждали жена-домохозяйка и двое сыновей старшекласников. Моряк жил исключительно на запись; бухгалтерией экспедиции ежемесячно отсылались в Иваново трёхзначные переводы, адресуемые дражайшей супруге. Коренной целью северных круизов Моряка являлись деньги, на покупку дорожающих материальных благ, недвижимых и подвижных. Моряк не скрывал срока нынешнего вояжа: «За год я миссию выполню и отдам швартовы! – выделяя голосом слово „миссия“, петушился он. – Калым с женихов беру чистоганом!...»

На север добровольно едут за романтикой либо за деньгами; многих завезли принудительно по этапу. Заработок тут многотрудный, а палаточной экзотики достанет на всех, если подразумевать бытовую неустроенность. Прагматичного Моряка привели утилитарные соображения, а Винчестера и Ершова – романтика дальних странствий; не гнались пока ни за чинами, ни за наградами; о деньгах вспоминали возле кассы. Однако в капитале скрыта могучая сила, никто деньги не отменял и вряд ли где разразится финансовая революция. Любая страна будет нуждаться и беспрестанно разыскивать и добывать золото; спрос и цена будут неуклонно расти, куда существуют нации и государства, товарно-валютные сношения. Ради жёлтого благородного металла, образно и поэтично названного древлянами «слезами Бога Солнца», а ворами – жаргонным словечком «рыжьё», и работали люди

на затерянном среди гор захолустном Хатыннахе.

8

Ручей и долина, действовавшие ранее прииск и лагерь времён культа личности, и разведочный участок назывались едино. Ёмкий топоним именовал часть горно-таёжного ландшафта на правобережье Индигирки. Зародясь со снежника в горах и протекши долиной двадцать пять километров, ручей впадал в реку; летом его переходили вброд, где вздумается, исключая понизовье и устьевую пойму. Щедро ветвясь на распадки, долина Хатыннаха имела крутой поворот ниже посёлка; отсюда до реки оставалось пятнадцать километров петляющей правым берегом малоезжей каменистой дороги. Она выводила на широкую террасу, где в километре от устья ручья базировалась метеостанция, имелся летний аэродром для самолётов с ограниченной длиной разбега. Ручей и река были прочно скованы льдом; зеркалом реки везли на участок грузы для летнего усиления работ; дело не рядовое, как несведущим представилось.

Местами река промерзала почти до дна; толща льда сверху, а вечная мерзлота снизу сжимали талый водоносный слой, под огромным давлением вода взрывала ледяной панцирь и растекалась поверху. Мороз быстро сковывал верховую воду, а понизу через вымоины и трещины она уходила, образуя ледяные пустоты с кашеобразной шугой на дне.

Лютый мороз, огромные безлюдные пространства во мраке полярной ночи, наледи и трещины, неожиданно возникающие в разных местах ледовой дороги, стоили шоферам иной раз жизни. В дальние рейсы машины из гаражей автобаз по одиночке не выходили, следовали как минимум парами; случаи гибели людей от переохлаждения бывали в Оймяконье каждую зиму. На участке работал человек с укороченными на фалангу пальцами и уродливо безносый. В бытность начальником, Баркенов пережил шесть драм гибели подчинённых от мороза.

Всю зиму на Хатыннахе велась шурфовка – проходка двадцатиметровых колодцев в многолетней мерзлоте. В низовьях долины вскрывались зоны талых водонасыщенных пород, чрезмерно замедлявших работы. При встрече таликов шурф оставляли на проморозку; в дальнейшем заглубляли и снова ждали, когда вымерзнет на глубину. Бились шурфы по разведочным линиям, пересекавшим долину с одного борта на другой, вкрест простирания россыпи, говоря геологическим термином. Горные работы решали задачу вскрытия и оконтуривания месторождения, определения мощности продуктивного пласта, но отправной результат давала лишь весенне-летняя промывка вынутых грунтов. Без промывки золото не извлечь и не увидеть, коль не вызолотит случайный самородок в куриное яйцо; не определить содержание и запасы металла, не решить вопрос целесообразности разработки.

Прилетевшие с Куряха промывальщики занимались пока подсобной и другой работой: каждый имел смежную специальность. Прошлой весной Винчестер общался с эдаким широко универсальным специалистом по прозвищу «Перелётная Птица». Вместе обедали в районной столовой и разговаривались.

– В ту пору всего тремя профессиями владел: электро, газо, сварщик. Подрядился глупыш на великие заработки в Сибирь. – Перелётная Птица густо припорошил обод пивной кружки солью и отпил пару жадных глотков. – Теперь на лозунговую мякину не клюю! Три тома трудовых книжек, ландкарта неоглядного Отечества! – Он снова присыпал, зажмурил выцветшие глазки и со вкусом заглотал пиво; выцарапал из карманов смятую пачку «Примы» и засаленный документ. Винчестер не проявил должного интереса, и Птица сунул трудовую книжку обратно за пазуху.

– Привезли нас полста завербованных на таёжную станцию. Утречком выгрузились из вагона и поёживаемся с похмелья. Станция, вишь, три хибары без магазина, в рот ей прокисшую клюкву!.. Но встречать, как водится, начальство на вездеходе подкатило. Середь них мордатый будмин в кожаном реглане и в бурках. Морозец нас щиплет и ветерком обдаёт, а этот хорь в галстук, при шляпе!..

– Что за «будмин»?

– Кхмы!.. Будущий министр, значит. Принялся зажигательно агитировать на трудовые свершения. Народ сник

от мрачной перспективы, а я ведь мужик порывистый, дипломатиям не научен, – Птица хитровато прищурился, на секунду обволокся табачным дымом, – возьми, да с отчаянья выкрикни: «А поскольку мы зарабатывать будем?» Будмин посмотрел на меня, фыркнул как скаковая лошадь и гордым голосом отчеканил: «Лёжа с лопатой, по семь кусков!..»

Перелётная Птица загадочно хмыкнул, оголив редкие куньи зубы, смачно допил пиво, неспешно и обстоятельно, как партизан в лесу, затушил окурочок, припалил новую сигаретку и с дымом выдохнул:

– Небось, не обманул, в рот ему зелёную бруснику! Семь сотен заедино с сапёрной лопаткой. Толщина рудной жилы семь дециметров, в полный рост не встать. Пластунским способом по штреку ползали!.. Ну что, инженер, за складную повесть повторим по кружечке пивка, а?.. – и Перелётная Птица нагло выпучил осовевшие глаза. – Очень поиздержался я ноне, а завтра в Якутск, на слёт бичей отбываю. Бродник я, где только ни был; за год четырежды на крыло вздымаюсь. Не могу жить осёдло, душа киснет и бунтует, в рот ей душистую землянику! Привык свободно перемещаться. Ну, как? не пожадничаешь, скупердяй!..

– Занятный ты элемент! – неохотно вставая, произнёс Винчестер; щедро высыпал на столешницу горсть монет. – Занят-ный, – повторил раздумчиво. – Ты вот что: в охотку выпей за меня; через час на Варгай улетаю...

Перелётная Птица благодарно закивал головой. Пока

не затворилась входная дверь, провожал молодого геолога мудрым, постигающим взглядом.

Много одиноких бездомных мужиков прижилось по северу; бездетных, с алиментами, с жадной пить и перемещаться, куда жив. Ни дома, ни семьи, ни заботы о детях, что остаётся?.. Единственно работа!.. Мыкают по свету и качественно делают ломовую и каторжную, без ламентаций и нытья, со стремлением крупно заработать, чтобы вскоре с купеческим шиком прокутить и снова безропотно впрячься в копотливый изматывающий труд. От надсадной работы забываются в водке, от губительной водки спасаются любой работой. В самом деле, съезжаются на негласные сходы, где бестолково болтают и безудержно пьют; ночуют зимой в канализационных колодцах. Внезапно откидывается на ребро чугунная крышка и из круглого люка вылезает подурнелый на рожу бич, знакомый по таёжным кочевьям. Каждую весну сбиваются в шумную стаю и, распавшись на косяки, летят в разные концы республики, до следующего весеннего созыва. Легки на подъём, все пожитки уносимы в заплечной котомке. Зимогоры, бессребреники, неимущие скитальцы. Необычный, кюветный и социально опасный образ жизни; в полевой геологии замены им нет, достойны монумента из бронзы. За тысячи пройденных совместно с геологами маршрутных километров, за миллионы взятых проб, за погонные метры шурфов и скважин механического и ручного бурения, за кубометры закопушек, канав и траншей, за пере-

мытые горы отвалов и многое, не упомянутое другое; кратко – за месторождения.

9

Винчестер попинал приступок, стряхнув с валенок налипший снег, и ввалился в сенной чулан. Впотьмах нащупал дверную скобу и, торкнувшись в обитую кошмой дверь, без приглашения вошёл. За столом, в полушубке наопашь, сидел Жора-Хлястик; испещрённый записями лист бумаги синел перед ним. Увлечённый подсчётами арифметик не протопил печь, и в комнате ощутимо подмораживало.

– Ах, Коля!.. Входи, дорогой; проходи, разболокайся, – встрепенулся Жора, будучи рад пришедшему гостю. – Присаживайся...

Приход геолога оказался кстати, и хозяина сразу оживил. Жора-Хлястик бытовал нараспашку, не скрывая генеральных планов. Как и братья, называл Винчестера именем и был близким ему человеком на Хатыннахе. Имя чтимого друга не искажают. Он величал старика уважительно, не как прочие бесцеремонно-фамильярные. Будучи разных поколений, накоротко сошлись они из любви к семиструнной гитаре; Жоре она сопутствовала всюду. Правда, пел он, безобразно фальшивя, наобум зажимая лады и вразброд теребя струны, но Винчестер прощал диссонансы, чудачки и чудачества необходимы. Ну, нет уха к музыке, хихикнул бы классик.

Винчестер выучился бойкой игре, живя в общежитиях, где на гитаре не брэнчал разве ленивый. Он бегло музицировал боем и переборами, имел приятный лирический тенор и песенных текстов помнил без повтора на гастрольное турне. Во всяком разе, когда, взяв высокий аккорд, Винчестер запевал тоскливую *«Журавли пролетели, журавли пролетели...»* и достигал строки, где *«оставила стая среди бурь и метелей одного, с перебитым крылом журавля...»* — на дублёном ветрами и морозами шоколадном лице Жоры-Хлястика проступала страдальческая гримаса, душевная внутренняя боль. Вопреки просьбе закончить песню, Винчестер всегда обрывал пение. До финального курлыкания ни разу не допели, но постепенно сдружились, и он часто навещал чудаковатого меломана.

В редких таёжных селениях сходить в гости за много вёрст дело житейское. Горожанину лень спуститься к мусорному баку или к приятелю в смежный подъезд; город не сплачивает, а разобщает людей. Можно неделями не встречать соседа по лестничной площадке, узнать полное имя в день случившихся похорон. В посёлке знаком со всеми, и с друзьями-приятелями близость постоянная. Хотя возрастом он годился в сыновья, у Жоры росли в Сибири внуки, они почаству, с взаимной пользой общались. Разбередив души пением, непринуждённо беседовали. Жора доказывал, что незачем Винчестеру проводить молодость в глухомани. Исчерпав аргументы, он вскакивал как гражданин укушенный собакой

и, азартно колошматя по впалой груди, силло призывал:

– Ты погляди на меня! Я смолоду по северам! А кто я?.. Что такого значительного из себя представляю?.. Чем славным оправдал прожитые годы?.. Каких почестей удостоился под старость?.. Нищий, хворый и одинокий; живу как сын в глухом болоте!..

Взвинтясь вопросами громко заданными самому себе, он как малахольный начинал метаться по комнате, продолжая горячо убеждать умолкшего с гитарой на пузе юношу.

– Ни со второй, ни с первой женой вместе и года не прожил. Мои дети без меня росли и повзрослели! Кочую с участка на участок как маркитантка в арьергарде, как петый дурак, как... (Абсолютно негодный к печати поток обценной лексики). – Имущества справного не нажил! Своего угла на тихую безбедную старость не обрёл! Деньги завидно дивные получал, а где? где они? куда все до копейки подевались?!.. – распаялся он всё яростнее.

– *Счастлив, кто жизнь свою украсил бродяжной палкой и сумой...* – выразительно пропел Винчестер, тренькнув гитарными струнами.

– Конченный алкоголик я, буйный и запойный! Лакаю всё, что от спички горит! Иногда губельно напиваюсь, память утрачиваю и мерзких чертей пугаюсь! – резко сбавляя обороты, сознавался Жора начистоту. – Должна быть отдушина в серости буден, клапан для выпуска отчаянных эмоций! Может, мне жизни ровно две пятилетки осталось...

По свойству холериков, легко впадающих в аффекты, импульсивный Жора внезапно, как и вспыхивал, смиренно затихал; тем паче юный собеседник не прекословил, выслушивал откровения молча, хотя не во всём бывал солидарен.

– Нет, Коля, милый. Дорабатываем нынешний сезон, – ровным миролюбивым голосом предлагал Жора, – я оформляю отпуск за три года, а ты увольняйся! Закупаем гостинцев и с задорной песней, да под гитарный перезвон, едем ко мне в Омск!..

Развалясь на лежанке, Винчестер согласно кивал, пытаюсь воспроизвести полузабытый перебор. В усилении зажмурив глаза, на визгливой ноте запевал программную: *«В горы я убежал из города, сжѐг на первом костре мосты...»* Окончательно утихомирясь, Жора готовил литровую кружку крепчайшего чая. Нейтрализуя вяжущую горечь, Винчестер подмешивал в насыщенный настой столовую ложку сухого либо сгущѐнного молока. От стакана духмяного пойла сильно розовели глаза, учащѐнно пульсировало сердце, чесались колени и зудели мышцы конечностей. Подмывало вскочить и как Жора измерить шагами комнату, вымахнуть с топором во двор и, не отвлекаясь на перекуры, наколоть высокую поленицу дров; так застоявшийся жеребец рвѐтся из стойла на пробежку.

Вскоре жалкие сетования горького неудачника сменялись безудержным оптимизмом дерзновенных мечтаний.

– Отдохнѐм, погуляем, – сладко причмокивал Жора, ма-

лыми глотками поглощая нестерпимо горький чай. – Будем от гимна до гимна грудастых комсомолок любить! – заявление несусветное, не под лета.

– Ты нынче пекариху случаем не видел? – через минуту снова вскидывался охаверник, переходя с шага на побегу. – Хотел бы я знать, какой химией её панталоны пахнут!..

Жора назойливо ухаживал за пекарихой. При интимных посиделках в пекарне горланил льстивый мадригал: *«Не прячь арабка тонкой талии, абайи чёрной не носи...»* Таких прелестей за полковой дамой не значилось. Она была вздорная колотовка со свислым задом и тайком от начальника приготавливала брагу.

10

Март разнился от февраля долготой светового дня. Морозы послабели незначительно, но надолго всходило слепящее солнце, и в думы назимовавшихся людей вкрались надежды близких перемен. Всё также сумеречным утром сходились рабочие в дом горных мастеров, оживляя его весёлым гамом и отравляя едким табачным дымом. Первым рейсом взрывники везли на линии аммонал, и вахтовка воротившись, снова двигалась вниз по долине. Холод незамедлительно выстуживал покинутые жильцами дома обезлюдевшего посёлка. В неравной схватке перевес всегда был за грозно сиявшим якутским морозом.

В полдень с базы экспедиции пришли большегрузные машины с продуктами и железными зумпфами для промывки, материальным знаком скорой весны. Тревожным симптомом её неизбежного наступления стал приезд франтовато одетой молодой специалистки. Правая дверца мощного «Маза» отворилась и в шлейфе парового тумана показалась симпатичная мордашка, в раме коричневой овчины капюшона. Пройдя ледяной Индигиркой, машины остановились на разведочных линиях, миновать которые не могли. Все бывшие на поверхности горняки сгрудились вокруг приезжих, забыв о проходчиках на забоях и шанцевом инструменте, калившемся в кострах.

– Ре-е-жьте мм-е-ня нна ку-куски, ннам-мазывайте гг-ады нна хлебб!.. – заикаясь, выговорил изумлённый Мазай, как сорняки на прополке выдирая из бороды мелкие сосульки.

– Грядёт весна!.. Клянусь стиральным порошком и туалетным мылом! – отверз уста говорливый Моряк, убравший с лица изветшалый и дурно пахнувший от избытка грязи серенький шарф.

Винчестер и брат Саня протеснились вперёд и ревниво оценивали неожиданный подарок, по эстафете присланный с экспедиции. Потупив взор, смущённая девица тёрла шерстяной варежкой зябнувший нос не малых размеров. Всеобщего восторга и любопытства совсем не разделил начальник участка, хорошо знавший, какое брожение в мозгах су-

лит данный приезд. На фефёлу-пекариху стали засматриваться и собачатся до кровной обиды, за молодницу ожидай перестрелки. Можно умело повелевать сбродом одичалых золоторотцев и даже паивать их досыта водкой – пьяных бесчинств и рукопашных побоищ не будет. Вооружённый мужчина кулаками не дерётся, а подчинённые могли стволами ошестиниться, и отягчал пояс каждого зачехлённый нож. Но всколыхни мужское общежитие вакантная незамужница – и стерегись! Разнопёрые кавалеры станут помогать её круглосуточно: языкастый поговорить, заботливый дровишек и льда наколоть, загрубелую душу умягчить нежностью; кто в надежде на взаимность, юбочник с коварным умыслом. Тропу натопчут и не ослабят натиск, пока не выделит избранника, увенчав связь женитьбой. Когда новобрачных оградит закон, вот тогда отступятся.

«Ведь просил же уroda не присылать сюда геологинь!» – нехорошо помянул Баркенов начальника по кадрам. «Расходись! – приказал он, – сглазьте девку!.. А вы, – оборотился к дружным братьям, – вечером обустройте коллегу. Жарко печь протопите в светлице. Сейчас всем работать, по местам стоять!..» Баркенов уселся в кабину и вместе с новенькой отбыл в посёлок. Взбудораженный люд стал нехотя разбредаться по рабочим постам. Довольные, что свидание с приезжей вменено в обязанность, Винчестер и брат Саня, гуторя и паясничая, двинулись на обход шурфов, чтобы засветло пронумеровать свеженарытые проходки.

Потревоженная ходоками, нещадно сотрясаемая взрывами, изъеденная гусеничными траками и обезображенная зевами шурфов стенала Земля. Природа равновесно сбалансирована, пока не вторгся варвар с мотором. Свежими срезами белели срубленные топором деревья, не сумев смолой выплакаться на морозе; распуганные гвалтом и тяжёлым запахом соляра покинули насиженный слой животворной почвы звери и птицы. Никто и ничто не смогло противостоять человеку, в погоне за одним расточительно губившему остальное. Движущий стимул освоения северных территорий – месторождения полезных ископаемых: золота, нефти, урановых и прочих руд. Малочисленный исконный этнос подмяли, а пришлый иноверец подобен хапуге. Земля произвела человека себе на погибель.

Природа севера дика и сурова на вид, но очень уязвима и раны залечивает дольше, чем пышная южная. В изначальных верованиях северян Земля-Мать и Вода-Мать почитались с всегдашней святостью. Земля мыслилась в образе исполинского животного, одетого мехом лесов и травы. Как живое существо она ежегодно линяет; рождает птиц, рыб, оленей, крупную и мелкую неразумную тварь; нужно лелеять её и беречь. У нганасан, энцев, ламутов, юкагиров и других северных народностей запрещалось колоть лоно земли ножом и копьём, без нужды рыть почву и заглублять в неё колья. «Не любит кровь, когда её на свет ставят», – вспоминая слова русского языка, говорил старый якут-оленовод, щелками

узких от рождения глаз наблюдая пасущееся в низине стадо. Винчестер вышел на него летним маршрутом на Варгае, и сухотелый старец не удивился появлению пешехода. Вековой узор лицевых морщин, похожий на развитую сеть оврагов, не сдвинулся ни в улыбку, ни в удивление, будто он намеренно дожидался прихода геолога. «Пожалуй, невозмутимость туземцев порождена близостью первозданной природы, обычаем жить согласно с ней, она от неотягощённого образованием, ленивого ума», – возможно, так подумал утомлённый ходьбою Винчестер.

«Вишь, тела твой кожей покрыт, твоя кровь держит. Великий горе, когда шкура голый. Эта рана, эта боль. Через дырка бросает душа и смерть ходит. Нельзя шкура земля рваный казать. Плоха беда станет!..»

Издавна бытовали анимистические, актуальные и на завтра поверья. Нельзя безнаказанно губить деревья, вблизи костра рубить дрова, можно поранить духа огня; нельзя плевать в огонь и лить в костёр воду. Ради сбора орехов преступно заваливать кедр; запрещено убивать спящего зверя; не подобает громко кричать и куролесить в лесу, распугивая затаившихся обитателей. Охотничий промысел зависит от духа-покровителя леса, не надо его гневить. «Будь люди суеверны и рачительны, не оскудела бы обжитая Земля; есть выверенная народная мудрость, следуй ей», – может статья, и так отвлечённо подумал усталый Винчестер тогда на Варгае.

В прошлогодний сезон и снискал он неординарное прозвище, за дар злоключений там, где другие фланировали обыденно. Как-то, не доехав версты три до лагеря, он спрыгнул с лошади помочиться и правой ногой угодил аккуратно – «кому как, а нам эдак!..» – в медвежий капкан, усиленный приваренными к дугам заточками из электродов. Голень не раздробило по иронии случая: в сапог была всунута ракетница, а обрезки электродов всего лишь оцарапали кожу. Но положение было поистине аховым! Нестерпимая боль ломила ногу, лезли в прорехи мошка и комары, и невозможно ослабить хват, вырваться из цепкого плена. Швыряя в лошадь чем ни попадя, он гнал её прочь, сквернословил, пока безгрешная скотина не ушла без седока в сторону лагеря. Когда его нашли и вызволили, он в забытьи бредил. Неделю отлежал Винчестер в районном стационаре, месяц провёл на камеральной работе, вычерчивая геологические колонки и разрезы. Выручила его лошадь, но неприязнь к гужевому транспорту вселилась стойкая.

Сбережённый винчестер, славное оружие ветеранов, ему подарил дед в честь окончания горного техникума. Первое в жизни молодого мужчины ружьё!.. Чувство защищённости и агрессивной силы, неодолимое желание стрелять и убивать!.. Воронёный ствол и лакированная ложа, отцепное цевьё, антабки и предохранитель; латунные гильзы, бездымный порох, пыжи и капсюля; патронташ в опояску... Внук разбирал и собирал, чистил и смазывал; неэкономно, до сса-

дин в плече расстреливал патроны. Упражнялся в меткости самозабвенно и при всякой погоде; в подвижные мишени и вслепую по стоячим; не видя птицы и зверя, стрелял на ворошок, по направлению шума. При охоте на водоплавающую птицу, что на утренней зорьке улетает с воды на хлебные поля, изумил деда. Когда ночью заходили в озеро, стреляя навскидку, на звук, ссадил утку в кромешной тьме. Перед варгайскими полевиками предстал удалой ковбой, с обязательным «винтом» на плече либо подмышкой. Бывалые таёжники поморщились от рекламной бравады, и название американской оружейной фирмы сделали прозвищем. Насмешливое, оно стало нейтральным, когда наречённый выказал незаурядное умение.

Винчестер и дебильный отпрыск московского доцента, принятый в отряд поисковым рабочим, заметили в таёжном прогале чудную полянку. Опередив геолога, уроженец столицы вышел на неё первым, торопясь полакомиться ягодами; в то лето Мать-Тайга уродила их вдоволь. Не успел он сжать пригоршню сочной черники, как заметил вблизи под деревом резвящихся котят палевой масти. Мило по домашнему окликавая «кис-кис», пошёл к ним, протягивая на ладони ягоды. Окажись дурында в маршруте с другим, отвлекись Винчестер да приотстань, невинный жест мог быть предсмертным. Гулкий раскат выстрела вспорол тишину; звериная туша рикошетом ударила юнца в спину: «прильпе язык к гортани...» Вскочивший пацан увидел крупную, издыхаю-

щую в бессильной ярости рысь; в предсмертной агонии она колотилась у ног.

Истинное происшествие это быстро забылось. Потонул при переправе через Индигирку ценный дедов подарок. Неистребимо живучи во времени одни нетленные слова, и Николай Опалин прозвищу не противится; человек свыкается с чем угодно.

11

Вечером Винчестер и брат Саня подыскали для Марины квартиру в одном из пустовавших домов; наперёд запасли дров, принесли складских продуктов. Белолицая, с рябинками на щеках, полногрудая блондинка не чинила недоτροгу, и польщённые участливым вниманием брата наперебой живописали новенькой экзотичные реалии здешнего быта. На неделе опекуны знакомили её с делами на участке и невольно сделались главными заступниками от докучливого притязанья бичей. Некогда равносторонний треугольник видоизменился в равнобедренный. Сексуально утешенный брат Гена слишком кичился врождёнными талантами и много якал, обидно навязывал особое личное мнение. «Что ты мне говоришь?! Я не первый год работаю на Севере!..» – звучало надоевшим рефреном не по разу на дню. Радист забыл элементарный постулат геометрии: сумма любых двух сторон превалирует над третьей, и поплатился охлаждени-

ем дружеских отношений. Братьев Саню и Колю объединили холостяцкая вольница и общая профессия, единодушие в помыслах и воззрениях, да и поэтапная схожесть неотличимых в главном коротких биографий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.